

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
*Арҗамак*¹²⁺
ТАТАРСТАН

№1 (29) МАРТ 2019

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

РОДИНА СТАНОВИТСЯ НУЖНЕЙ

БЕЗЫСКУСНЫЕ СТРОКИ

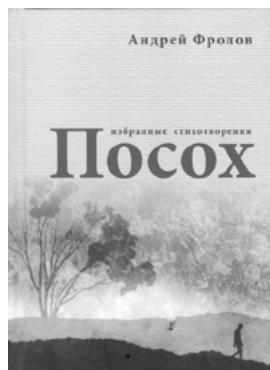
В слове «искусство» совершенно ясно слышится слово «искус»; по-русски «искусный» и значит «искушённый», то есть «знающий», «умельный», «опытный». Но, увы, в последнее время правомерно и другое толкование «искусства» как несущего в себе искус, искушающего, соблазняющего простеца человека. Это относится, в первую очередь, ко всеобширной индустрии погребели — от «мастеров телевизионных искусств» до творцов так называемого «современного искусства» с его скотоподобными перформансами, прилюдными демонстрациями срама и фекалий. Слишком известна и определённая (тоже, кстати, «телеведущая» и «голубоэкранный») часть «современной литературы», подпадающая под «последнюю» категорию «искусства».

Поэтому, характеризуя строки Андрея Фролова как «безыскусные», хочется сознательно вывести его за скобки всех упомянутых «искусителей», это раз; ну и два — «безыскусные строки» это ещё и строки, в которых не видно нарочитого мастерства, не видно «как они сделаны»; кажется, будто они сразу так и написались, а вот это-то и есть, как мы понимаем, подлинное искусство, его результат.

Андрей Фролов сегодня наиболее известный поэт из города Орла писателей «среднего возраста». И дело не в количестве публикаций. Есть такие общелитературные банальности — «свой голос», «своя интонация». Да, это всё верно (как вообще у кого-то может быть «чужой голос?»), но в случае с Андреем Фроловым мы вправе говорить о более редком явлении — своей теме. А это уже серьёзная заявка на внимание читателя.

Если в двух словах её сформулировать — это остановившееся время наивысшего пика Советской цивилизации, так называемая «эпоха застоя». Именно оттуда бьёт свет в поэзию Андрея Фролова. Нет, не причитания и горькие сетования, не проклятия разрушителям страны, а именно свет — крепкой, осмысленной русской жизни. Может быть, это происходит ещё и оттого, что время наивысшего расцвета русской жизни в советскую эпоху совпало со временем детства и взросления поэта; в глаз ещё не понабились соринки взрослых разочарований и встреченных неправд. Оттого и мир тот (мир пригородной деревни и тесных дворишков старинной городской улицы) обретает у Фролова дополнительную подсветку. И стоит он и держится — мир деда, отца, старшего брата — крепким мужицким разумом.

Избу поставить — разом!
Работа не за страх.

*Гудит мужицкий разум
В мозолистых руках...*

*Прочищен, водкой смазан,
Под кнут поставлен — ну!
Сопит мужицкий разум,
Прёт на себе страну.*

Но и женской, исконно русской, материнской добротой держится незакатный мир детства поэта. Вот строки про владелицу «самых вкусных на деревне яблок» (следовательно, нещадно обрываемых мальчишками, как это было во все времена), бабуку Андреевну:

*И который год, не знаю,
Всё стращает пацанву:
— Вот ужо, кого спымаю —
Ухи-т начисто сорву!..*

*А потом вздыхает глухо
И, беседуя со мной,
Говорит:
— Дурна старуха —
Нешто слопать всё одной?*

Но есть и другие строки и другие интонации у того, почти уже былинного времени — в которых таится надлом и нравственная, если ещё и не порча, то совершенно точно — растерянность «позднесоветского» человека. «Растерянность», которая уже совсем скоро перерастёт в «потерянность» и унылый, обыденный разгул полуживотной чувственности, щедро поощряемой средствами массовой информации.

*Остывает пожар объятий.
Удручённо глядит луна.
Возлежат на одной кровати
Чей-то муж и ничья жена...*

*А в природе царит истома —
Дело явно идёт к зиме.
Где-то два беспокойных дома
Перемигиваются во тьме.*

Однако поэт, получивший духообразующий запас света именно в детстве, совершенно естественно и логично, уже в свою очередь, делится им со своим маленьким читателем. Поэтому немалую часть стихов Андрея Фролова составляют именно те, что обращены к новым и совсем ещё не большим русским человекам. Например, про «запрещённые» пироги:

*Но какой же запах вкусный!
И с самим собой в борьбе,
Я тещу: сестре — с капустой,
С мясом — папе и себе...*

*Мама громко нас ругает,
Отводя смешливый взгляд.
Если пахнет пирогами —
Значит в доме мир и лад!*

Может в этом и состоит сокровенное обращение Андрея Фролова: из светлого прошлого — через муть настоящего — в наше на глазах подрастающее и, хочется верить, тоже светлое будущее.

Алексей Шорохов

РАССВЕТНОЕ

Над туманом сад плывёт:
Вишни, облепиха...
Новый день больших забот
Народился тихо.

Он покуда ничего
Никому не должен.
Не омыл пока его
Беспризорный дождик.

Не нагруженный виной,
Еле-еле зримый,
День растёт очередной
И неповторимый.

БАБЬЕ ЛЕТО

Богом посланная милость —
Тёплый солнечный денёк.
Это лето зацепилось
Паутинкой за пенёк.

Продолжает труд тяжёлый
Забубённая пчела.
Пацаны бегут из школы
На окраину села.

Промелькнут по косогору —
Мимо пасеки, на брод.
А пескарь в такую пору
И на голый крюк берёт!

РЫБАК

С перегреву зарницами бредя,
День июльский отходит ко сну.
Напевая вполголоса, Федя,
Размахнувшись, бросает блесну.

Котелок, закипая, дымится:
Ох, ушица двойная густа!
Рыбы много пока в Моховице.
Федя знает такие места!..

Но не лезьте с расспросами к Феде —
Пропадут понапрасну труды, —
Он не слишком искусен в беседе,
Любит молча сидеть у воды.

Сырость гасит его сигарету.
Федя, пристально глядя во тьму,
Караулит бессонную реку...
Улыбаются звёзды ему.

КУЗЬМИЧ

Картина ясная вполне:
Запасы соли, спичек, мыла...
Соседка мрачно пошутила:
— Кузьмич готовится к войне...

«Кузьмич готовится к войне...»
Он три войны прошёл когда-то,
И нет надёжнее солдата
Ни в той, ни в этой стороне.

Ни в той, ни в этой стороне
Не обходилась так судьбина
Ни с кем: сперва лишила сына,
Затем — поминки по жене...

Пять лет поминки по жене.
И зимы, что невыносимы.
И одиночеством гонимый,
Кузьмич бредёт, как в полусне.

Кузьмич бредёт, как в полусне,
Туда, где люди, к рынку ОРСа.
А как не купишь, коль припёрся,
То, что доступно по цене?

А что доступно по цене?
Конечно, спички, соль и мыло...
Кузьмич соседке, что шутила,
Отдаст всё это по весне.

СТРОЙКА

Домишко скромный —
 стена в кирпич
 полгода строил
 старик Кузьмич.
 Село ворчало:
 не тот, мол, пыл,
 у Кузьмича, мол,
 не хватит сил,
 ровесник века —
 не совладать...
 Кузьмич кумекал,
 где тёс достать.
 Залил фундамент
 и начал класть
 на камень камень,
 перекрестясь.
 Стропила, кровля —
 не на авось.
 Забил к Покрову
 последний гвоздь.
 Приладил двери
 и вытер пот:
 — Ну, кто не верил?
 Смотрите — вот...
 Присел в сторонке
 и вдруг... чихнул.
 Как о приёме
 акт подмахнул.

* * *

Надсадно выла автострада,
 Горячим выхлопом дыша, —
 Через шоссе валило стадо
 Размеренно и не спеша.

Тяжеловесны и угрюмы,
 Как будто спали на ходу,
 Коровы медленную думу
 Жевали, точно лебеду.

И снисходительная жалость
 К людской извечной суете
 В глазах косящих отражалась,
 Как в застоявшейся воде.

ГЛУБИНКА

Сдвинув в сторону плетень,
 Бог поставил мету
 Из окрестных деревень
 Именно на эту.

В холода дворы тесней
 Прижимались к тыну,
 Отмирали по весне,
 Пережив годину.

Быт размерен, у людей
 Вкусы простоваты:
 Сговорясь, в апрельский день
 Все белили хаты.

Дружно — вспашка,
 Дружно — сев,
 И любой при деле.
 Здесь и немцы, обрусев,
 Под гармошку пели.

ХОЗЯЙКА ЯБЛОНЕВОГО САДА

Много яблок по деревне.
 Только знают пацаны,
 Что у бабушки Андревны —
 Просто диво, как вкусны!

И поэтому, наверно,
 Успевает только треть
 Урожая у Андревны
 Окончательно созреть.

Шибко сердится Андревна —
 Мол, коту под хвост труды, —
 Собирая на варенье
 Уцелевшие плоды.

И который год, не знаю,
 Всё страшает пацанву:
 — Вот ужо, кого споймаю —
 Ухи-т начисто сорву!..

А потом вздыхает глухо
 И, беседуя со мной,
 Говорит:
 — Дурна старуха —
 Нешто слопать всё одной?

* * *

Ивану Рыжову

В деревне Коровье Болото
Совсем не осталось коров,
Да и от деревни всего-то –
Двенадцать замшелых дворов.

Воюет старик-долгожитель
С колодезным журавлём:
– Помрём-то когда же, скажите?
Ведь всё же когда-то помрём...

Горбятся крыши косые,
Хребтами белеют плетни...
Храни, Вседержитель, Россию!
И эту деревню храни.

СВАДЬБА

На два дома поделено счастье:
Невзирая на серенький дождь,
Шумно, весело едет венчаться
Из обеих семей молодёжь!

Чинны сваты, задиристы сватья,
Поцелуй по-русски – взасос,
На невесте шикарное платье,
Море радости, толика слёз!..

Всё путём, по обычаям древним:
Пир горой...
Да ведь речь не о том.
В этой, Богом забытой, деревне,
Почитай, уже есть третий дом!

* * *

Линялый август...
Встать до солнца,
Когда ещё в ознобе сад,
И пересуды у колодца
Вчерашние ещё висят;
Набросив – так, на всякий случай, –
На плечи дедовский бушлат,
Хрустя антоновкой пахучей,
Пробраться мимо спящих хат
За край села, где по-над лугом
Туман раскинулся ковром;

Брести в нём, влажном и упругом,
На колокольчики коров;
Ступить в дымящуюся реку
И плыть заре наперерез...
Каких же нужно человеку,
Помимо этого, чудес?

* * *

Родина любимей не становится
С добавленьем прожитых годов.
По моей судьбе промчалась конница –
Глубоки отметины подков.
Выбоины тотчас же наполнила
Светлая небесная слеза.
Сердце от рождения запомнило
Родины усталые глаза,
Спрятанную в сумерках околицу
И дымки лохматые над ней...
Родина любимей не становится,
Родина становится нужней.

РЕПЕЙ

Под небом пыльным и сухим,
Меж двух сквозных степей,
Живёт адептом строгих схим,
Отшельником репей.

От зноя жилист он и чёрн,
Тревожен, как беда.
Корнями в выветренный дёрн
Вцепился навсегда.

Когда тебе у той черты
Случится проходить,
Не пожалей глотка воды
И дай ему попить.

ПОСОХ

В зоревых, тяжёлых росах,
В стылой сумеречной мгле
По земле блуждает посох,
Дыры делая в земле.
Сеет смуту и раздоры,
И судачат старики:
– Бродит в поисках опоры,
Твёрдой, праведной руки...

